

Вспышки ощущения времени менее сбивали с толку, чем внезапная остановка. Санса почувствовала, будто сейчас стоит на верхушке самого большого из всех деревьев на целом свете, глядя вниз на долину, которая по размерам должна быть самой большой, виденной ей.

Реки грохотали под ней, и их звук оглушал, поглощая все вокруг своей силой. Она приложила усилия, чтобы сохранить сознание, и почувствовала присутствие Джоффри возле себя, ее постоянного партнера в жизни и смерти.

Смотри, почувствовала она его слова. Поле зрения медленно уменьшалось, величественная завеса из белого снега неторопливо поглощала мир, закрывая его облаками.

Где мы? Подумала она, открыв глаза со вторым зрением и попыталась пробиться взглядом сквозь белую завесу, ища источник силы врага. Зеленый сон становился невероятно резким и турбулентным одновременно, но горизонт видения продолжал сужаться с постоянной скоростью. Она осознала, что это был весь окружающий мир, постепенно исчезающий в пелене с продвижением цикла вперед.

Ходоки что-то делали с самой песней. Она звучала все тише с их приближением; мелодия существования стихала и колебалась под белым давлением.

Этого недостаточно, подумала она. Спящая сила в ее собственной крови не стояла и медяка против мощи Красной кометы, и тогда Санса потянулась за подпиткой до самого пурпура, вытаскивая его наружу, как она уже когда-то делала в Каркосе. Пурпурные фракталы затопили долину с силой, в тысячи раз большей, чем та, что содержалась в крови волшебницы, и Столбы начали появляться, словно миражи в пустыне; бесконечно высокие, потрескавшиеся структуры вырастали на периферии ее поля видения, а сам Зеленый сон вибрировал в признании и деформировался от притока энергии.

Что-то не так, прошептал Джоффри, и она почувствовала, как присутствие ее начало растворяться, как будто река памяти внезапно начала пениться, наплывая на них и принося знакомое гудение. Крики и грезы и краски тысяч разных оттенков мгновенно пронеслись перед зрением Сансы.

Молитвы и мольбы, такие быстрые, что казались порывами ветра в кроне, навеки забытые в глубинах времени. Она почувствовала, как ее живот провалился вниз, как будто они только что спрыгнула со стены Винтерфелла.

Девушка моргнула, и все остановилось на одном изображении. С двуручного меча из валирийской стали капала кровь, пока рука с заботой протирала лезвие куском ткани, вычищая его по всей длине. Санса уставилась взглядом на ту руку, загипнотизированная тем, как она двигалась к концу лезвия.

Это был лед.

- Отец? - спросила она, поднимая взгляд вверх и увидела младшую версию Эддарда Старка, которую никогда раньше не видела. Юный парень; испуганные глаза еще не прятались за ледяным фасадом.

Все закончилось через секунду, и сногшибательный разгон скорости и существования потащил ее туда, где чувствовалось такое знакомое гудение силы. Оно отдавало эхом жизни и смерти, колесами внутри колес. Оно отдавало Пурпуром.

Огромная фортификация с высоких башен и усиленных ворот вынырнула в поле зрения, у нее

Божье Око покраснело от крови. Выглядело, как будто само озеро подпитывается ею, большие потоки красной жидкости разливались вокруг острова, откуда начинали свой путь. Невероятно большой замок, что возвышался в отдалении, пылал; величественные каменные башни плавались, сгибаясь к земле, пока три драконы парили над ними, поджигая железняков-лучников и заставляя их прыгать со стен на твердую землю или в озеро.

Так или иначе, это пресекало их агонию.

Харренхолл, она услышала шепот Джоффри сбоку. Их понесло дальше по потоку времени, Зеленый сон тащил их за собой как на привязи. Но почему?

Она сосредоточилась на привычном гудении. Оно почти терялось среди криков умирающих людей и рева Балериона, но она до сих пор могла его слышать. Оно раздавалось эхом во времени словно свежая рана, резонируя вокруг них... и внутри тоже.

(Балерион, известный также под прозвищем Чёрный Ужас — дракон, самым известным всадником которого был Эйгон I Таргариен. Во времена Завоевания Вестероса именно он сжёг замок Харренхолл.)

Подобное притягивается к подобному, прошептала девушка. Это был элементарный принцип всех типов магии, которые она видела или изучала... так почему бы Пурпуру не следовать этому пути?

Санса сдержали дребезжание сердца, закрыла глаза, отбрасывая картину смерти и уничтожения. Она снова взглянула в глубины души, извлекая Пурпур на свет божий. Видение гибели Харренхола вдруг пересеклось извилистыми линиями, пересекавшими его контуры, и она услышала гудение окутывавшего их пурпура.

Санса напряглась, вслушиваясь в пурпурное эхо во времени; во времена, когда их души еще не поселились в их телах. Она потянулась туда, следуя Эху и ведя Джоффри за собой. К ее удивлению, но он словно был способен и сам ориентироваться здесь, присутствие парня излучало спокойствие и уверенность. Время ускорило перед их зрением, лица и молитвы и погодные изменения затопили их сознания словно буря. Это чувствовалось знакомым, это влечение их душ против потока реальности, и Санса осознала, что они уже делали это раньше.

Тысячу раз и даже больше, сказал Джоффри, и она почти услышала звон от его улыбки на устах. Зеленый сон вздрогнул, словно хор миллионов голосов застонал в агонии, пока время замедлялось, и перед глазами возникло мужское лицо.

Он держал железные топоры в каждой руке, лицо и грудь были полностью покрыты кровавыми письменами, вырезанными прямо на коже. Санса увлеклась, разглядывая линии и штрихи тех букв, вырезанных на груди, что задымились, когда он взревел. Вокруг дерева истекали кровью люди, мертвые или умирающие, и еще больше воинов появилось в поле зрения Сансы, что убивали и калечили друг друга, как одичавшие-берсеркеры древности.

Отец, дай мне веру, воин, дай мне Силу, неизвестный, дай мне Смерть, проговорила она, читая звездообразную надпись, вырезанные на лбу владельца топора.

(Это видение битвы Андалов и Первых людей, Андалы прошлого были религиозными фанатиками, которые пришли в Вестерос, насаждая веру в Семерых)

Время ускорило, прежде чем топор того мужчину ударил по чардреву, и они использовали пурпурное эхо как спасительную веревку...

Джоффри? Подумала Санса, но незнакомец перед ней не был ее мужем. Однако он был довольно похож; с окаменевшим выражением на лице, которое Джоффри приобретал, мрачней. Он стоял возле чардрева, держа бронзовый меч на поясе; его сопровождающие были одеты в бронзовые чешуйчатые доспехи и вооруженные короткими копьями.

Вокруг дерева суетилось с полдюжину малых детей с непривычно большими головами, привязывая к ветвям руки какого-то мужчины, свисавшего сверху. Пленный имел длинные карие волосы и взгляд, острый, как у сокола, которым он пронизывал зрителей.

- Тебе не надо было связывать меня, я добровольно отдаю собственную кровь Богам, - произнес он резкими словами старой речи.

Не-Джоффри подошел ближе, и пока он приближался - Санса осознала, что он все-таки отличался от ее мужа. Орлиный нос и резкие очертания лица контрастировали с мягкими чертами, которые она ожидала увидеть, но золотистые волосы и уникальные стально-зеленые глаза без сомнения принадлежали Ланнистеру.

- Мне следовало бы скормить тебя Львам. Накормить тобою Богов-это великая честь для такого, как ты, - сказал он; во время речи глаза аж горели ненавистью.

- Или это моя дочь убедила тебя так поступить? - спросил связанный глумливым тоном.

- Нет, она желала собственноручно распять тебя на златосерде, - ответил не-Джоффри, наслаждаясь легким проблеском удивления, от которого связанный рванул и закачался как маятник.

- Самые вороны съедят твои глаза. Черви выпьют твою кровь и не оставят ни капли для сна. Я проклиная тебя, Ланн, сын Татиаха. Я проклиная тебя своим последним вздохом, - прохрипел обреченный мужчина.

(Лорд Ланн Умный — легендарный основатель дома Ланнистеров, хитроумный плут, живший в Век Героев, любимый персонаж сказителей и певцов.)

Лицо Ланна скривилось от гнева, и Санса услышала отдаленное рычание львов, что резонировало сквозь сон словно стая разъяренных монстров. Один из них показался у толпы зрителей, сверкнув золотой гривой, и оглушительно взревел к связанному. Ланн поднял руку и одернул Льва одним жестом, все еще глядя на человека. Он покачал головой и отступил назад.

- Пыль-Что Оттеняет-Смерть, я передаю эту кровь Богам, - сказал он необычно торжественным голосом и взглянул в сторону; сон прошептал Сансе и заполнил пробелы в ее знании Старого языка.

Она осознала, что он обратился к одному из Детей Леса; ее длинные, мохообразные волосы почти касались земли, когда она поклонилась с благодарностью. На ней было одеяние из кроваво-красных листочков, покрывавшее почти все тело.

- Твой клан погибнет! Ты слышишь меня, Ланн?! - закричал тот человек, когда Ланн и его воины развернулись и двинулись прочь; лев последовал за ними, в последний раз обернувшись на мгновение.

- Они погибнут! Через год! Или десятилетия! Или за столетие! Время проглотит всех! Время сокрушит все сущее! - крики обреченного перешли в бульканье, когда Пыль-Что Оттеняет-Смерть выкарабкалась на дерево и перерезала его горло обсидиановым ножом. Другие Дети

залезли на соседние ветки, свисая головой вниз и разрезали живот опытными движениями, кормя чардрево его внутренностями.

Она осознала, что они слишком долго задержались на этом видении, и края изображения закружились, когда она потянула снова.

Если бы я сам проливал кровь и пытал своих врагов перед чардревом, тогда мои предки сочли бы меня праведником? Девушка услышала шепот Джоффри.

Их сознания переплелись вместе, когда они еще раз достигли отдаленного эха, и Зеленый сон стал словно выжженным, выскальзывая из пальцев. Они потянули, так как делали вместе, когда убегали от Красной кометы, однако на этот раз их сознания продвигались в прошлое, и вдруг она почувствовала зловещую вибрацию.

Зеленый сон становился все более и более нестабильным, пока отдаленные квадратные башни Утеса Кастерли растворялись в ничто, и леса отвоевывали величественный холм; времена года молниеносно мелькали, пока изображение менялось. Великан встал на колени перед деревом, подозрительно оглядев его, и положил свою огромную палку с каменным былом сбоку, поднимая тучу снега от удара.

Сероглазые люди ехали верхом на лютоволках по поляне, и Дети Леса торжественно вглядывались в вырезанное лицо на дереве. Она почувствовала, что это дерево всегда имело цель-наблюдать за полуночью, но непредсказуемый резонанс с Пурпуром также заставлял Зеленый сон нести их назад, назад ко времени, когда оно впервые увидело Пурпур.

Стойбище охотников на тюленей кричало, когда Красное поглощало их. Группа охотников вздрогнула, словно они что-то услышали, оборачиваясь от медвежьей туши, которая снова пошевелила лапами, открыв синие глаза.

Какой-то человек стоял на замерзшем холме, так далеко на севере, что перед ним виднелись лишь пустынная пустошь из снежных дюн. Он нахмурился, пока глаза разглядывали горизонт, глядя на красное полярное сияние, перекрывавшее половину поля обзора. Красное приблизилось к нему за какую-то секунду, и у него не было времени, чтобы самому закричать, потому что его губы уже тонули в красном: плоть плавилась и отпадала, пока Красное нежно окутывало человека.

Дальше, подумала Санса, дрожа, когда потянулась к эху, которое теперь было оглушительным ревом существования, сон изнашивался, когда она пробовала

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/61076/2004296>